

КОНФЛИКТЫ ЭПОХИ ТРАНЗИТА *CONFLICTS OF THE TRANSIT ERA*

Этнополитические конфликты периода транзита как морально-психологический феномен (попытки диагностики и лечение)

А.В.ОБОЛОНСКИЙ*

*ОБОЛОНСКИЙ Александр Валентинович – доктор юридических наук, профессор Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая. 20. E-mail: obolonsky@hse.ru

Статья посвящена аналитическому обзору психоаналитического и иных психологических подходов к описанию и преодолению этнополитических конфликтов в России и других постсоветских странах. Широко используются материалы многонациональной группы исследователей International Dialogue Initiative и научные труды ее членов. Выделяется понятие психологической травмы, а также присущий обществам периода транзита феномен посттравматического синдрома. Национальная вражда рассматривается на базе ряда примеров через призму психоаналитической концепции “избранной” травмы. Значительное внимание уделено психологическим аспектам лечения этнотравм. В этом плане исследуется позитивный аспект отношения к *прошедшим войнам как к общей, но уже оплаканной и похороненной травме*, что, с точки зрения психоанализа, способствует ее адаптивному переживанию и трансформации в общественном сознании, а в конечном счете, и примирению между бывшими врагами. Один из ключевых факторов для этого – разработанная выдающимся психоаналитиком В. Волканом концепция универсальной человеческой потребности иметь как врагов, так и союзников.

Ключевые слова: психоанализ, психологическая травма, посттравматический синдром, национальная вражда, историческая вина, примирение, союзники.

DOI: 10.31857/S086904990009195-6

Цитирование: Оболонский А.В. (2020) Этнополитические конфликты периода транзита как морально-психологический феномен (попытки диагностики и лечение) // Общественные науки и современность. № 2. С. 94–107. DOI: 10.31857/S086904990009195-6

Ethnopolitical Conflicts in Transit Time as Moral and Psychological Phenomenon (Attempts of Diagnosis and Treatment)

Aleksandr V. OBOLONSKY*

***Aleksandr V. Obolonsky** – doctor of sciences (law), professor at the national Research University “Higher School of Economics”. Address: 20, Myasnickaya, Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: obolonsky@hse.ru

Abstract: The article observing psychoanalytic and other psychological approaches to description and overcoming ethnopolitical conflicts in Russia and other post-Soviet countries. The materials of the *International Dialogue Initiative* group and the scientific works of its members are used broadly. The notion of psychological trauma and phenomenon of post-traumatic syndrome, inherent in transit societies, are considered in details. National enmity is subject on analysis through the psychoanalytic concept of “chosen trauma”. The special attention is paid to the issues of psychological treatment aspects of ethnical traumas. Relation to former war as to common trauma, but mourned and buried trauma, might be helpful for adaptive transformation of it in the public consciousness and reconciliation between former enemies, in the end. The conception of essential human need to have both enemies and allies, elaborated by outstanding psychoanalyst Vamik Volkan, is one of the key factors for it.

Keywords: psychoanalysis, history, psychological trauma, post-traumatic syndrome, national enmity, historical fault, war, conciliation, allies.

DOI: 10.31857/S086904990009195-6

Citation: Obolonsky A. (2020) Ethnopolitical Conflicts in Transit Time as Moral and Psychological Phenomenon (Attempts of Diagnosis and Treatment). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 94–107. DOI 10.31857/S086904990009195-6 (In Russ.)

Мысль о неудобстве и даже опасности “интересного времени” для повседневной жизни обычных людей идет еще от Конфуция. Она многократно воспроизводилась в разных версиях, особенно применительно к XX в. (Лично я с ней не вполне согласен, но к теме статьи это отношения не имеет.) И она вдвойне справедлива для периодов транзита, через который на рубеже тысячелетий проходили, а в психологическом плане во многом проходят и до сих пор посткоммунистические общества Восточной Европы и Россия. В этом контексте в статье предполагается обсудить *морально-психологические аспекты межэтнических конфликтов* и коллизий данного времени и места¹.

Россия тут, разумеется, главный объект. В данном случае я не считал нужным разделять моральные и психологические факторы в силу их тесного переплетения. В плане методологическом я буду опираться здесь прежде всего на идеи и подходы психоаналитические, выработанные в течение ряда лет международной и междисциплинарной группой исследователей *International Dialogue Initiative* (IDI). О ней, в качестве предисловия к последующему, следует сказать особо.

Группа была образована в 2007 г. по инициативе ведущего американского психоаналитика, “живого классика”, урожденного турка-киприота В. Волкана². Он привлек к сотрудничеству несколько американских коллег, в том числе Ф. Очберга, Дж. Фромма,

¹ В этой статье я сознательно самоограничиваюсь лишь одним из подходов к данной проблематике с вытекающей из него исследовательской логикой. Из других, на мой взгляд, самого серьезного внимания заслуживают работы Э. Паина и С. Федюнина, (см., например, [Пайн, Федюнин 2017; Пайн 2009]).

² Его еще называют Леонардо да Винчи психотерапии и психоанализа. Он был советником ряда глав государств и политических лидеров при подготовке важнейших и вошедших в политическую историю соглашений между сторонами конфликтов.

Э. Шапиро, британского психиатра, члена Палаты лордов Дж. Олдердайса, израильского психотерапевта Р. Фридмана, турецкого психолога К. Севика и политолога Д. Арибоган, иранского эмигранта, экономиста и широкого плана бизнес-консультанта Б. Хаджепура и несколько других исследователей. Из россиян в группу вошли автор статьи и культуролог А. Голубовский. Постепенно она несколько расширилась, и сейчас, наряду с несколькими мирового класса учеными, специализирующимися в сфере психологии и сопряженных с ней областях, в нее входят политические консультанты и практики. Национальный состав группы – граждане США, Великобритании, Германии, Израиля, России, Турции, Ирана, Палестины, Польши. Мы встречаемся в ежегодном режиме и постоянно контактируем в интернете.

Избегну соблазна перечислять научные достижения и политические заслуги членов организации: это заняло бы не одну страницу. Желаящих узнать больше отсылаю к нашему сайту: www.internationaldialogueinitiative.com/about-us/. Скажу лишь, что это сообщество уникально по своему составу и интеллектуальному вкладу в различные социальные науки и практику (прежде всего, но не исключительно) в области психологии. А некоторые ее “отцы-основатели” также сыграли важную роль в практическом разрешении таких сложнейших конфликтов, как израильско-египетский и межконфессиональный северо-ирландский. И наша работа в данном сообществе – серьезный интеллектуальный вызов для каждого ее участника, даже если он, как в моем случае, не полностью разделяет психоаналитический взгляд на человека и его поведение.

Миссия IDI – понять психологические основы барьеров, мешающих мирному разрешению межнациональных и межкультурных конфликтов, и через достигнутое понимание облегчить их преодоление. Что включает в себя нарративы эмоционального описания динамики международных отношений и событий, стремление к пониманию психологии и этики “других”, и, как один из ключевых моментов, анализ психологической специфики **посттравматических состояний**, связанных, в частности, с *кризисом национальной и иной групповой идентичности*³ и т.д. Или, коротко говоря, психологический анализ эмоциональных аспектов исторических и иных конфликтов между большими группами, сформировавшимися по этническому либо иному признаку.

Феномен посттравматического общества

В современной России мы живем в состоянии произошедшей и до сих пор переживаемой травмы национального сознания и психологии. То, что многими это не осознается, ситуации не меняет, а даже ее ухудшает, поскольку препятствует излечению травмы. В таком положении мы отнюдь не уникальны. Все общества, пережившие войну или крушение политических режимов, проходят через подобное. В той или иной мере это относится не только к России, но и ко всем посткоммунистическим странам Центральной и Восточной Европы. Однако наша ситуация сложнее и тяжелее. И дело не только в длительности советского режима и не в количестве его жертв, а в том, что последствия его не изжиты даже на субъективном, психологическом уровне (о других сейчас не будем), что мы как общество далеки от их *психологического* преодоления, от излечения посредством формирования в коллективном национальном сознании адекватной памяти о прошедшем и соответствующего к нему отношения.

Такое наше межеумочное состояние хорошо описал А.Эткинд. Вот несколько фрагментов из его книги. “Если палачи не осуждены, потерпевшим не возмещены убытки,

³ Понятие идентичности, его различные интерпретации и весь комплекс связанных с этим проблем приобрели за последние полвека значительную и, на мой взгляд, соответствующую своей важности популярность, причем не только в психологии, но и в сопредельных с ней науках о человеке. А само слово стало едва ли не мантрой. Из последних обобщающих работ по теме см., например, [Фукуяма 2019].

преступные институты не запрещены и не возведены памятники жертвам, память о катастрофе приобретает особые формы”. “В СССР те же люди и институты, которые организовывали массовое насилие, позже разоблачили его... Уникальная ситуация – преступному режиму пришлось самому разоблачать себя” [Эткинд 2016, с. 66, 56–57]. Отсюда наша принципиальная разница и с постнацистской Германией, и с постсоциалистическими странами Европы и Прибалтикой⁴. Что представляется критически важным для анализа и понимания серьезных психологических издержек наших 1990-х гг. и реформ того периода, о чем мне уже приходилось писать [Оболонский 2018, с. 47–57]. Представляется, что мы имеем дело с эффектом *посттравматического не только общества, но и государства*.

С точки зрения современной теории психоанализа, *коллективное сознание общества для своего излечения должно пройти через полноценное признание факта травмы, должно “оплакать” жертвы и потери, испытать чувства подлинного траура по ним*. Понимание масштабов и ужаса совершенных от лица государства коллективных преступлений против человечности должно глубоко укорениться в общественном сознании. Иначе травматический стресс не может быть преодолен и, хуже того, это, в частности, может психологически легитимировать допустимость насилия и, соответственно, насильственных действий по отношению к различным “другим” и в сегодняшней жизни. А образ этих “других” либо складывается более или менее спонтанно, на основе массовых представлений и мифов, либо они прямо “назначаются” властями как по этническим, так и по иным признакам [Volkan 1988, p. 201; Ochberg 1988].

Пожалуй, наиболее успешным примером адекватного осознания данной опасности и постоянной работы по предотвращению ее возможных рецидивов может служить Федеративная Республика Германия [Баум 2015], хотя даже там это, как можно видеть, не всегда полностью избавляет от всплесков межгрупповой вражды и агрессивного неприятия “других”. Постсоветская Россия тоже сделала кое-что в этом плане, но, к сожалению, гораздо меньше и более формально. В частности, реальной десталинизации у нас так и не произошло. А ведь политическая практика сталинщины базировалась на преследовании как по классовым, идеологизированным, так и по этническим критериям. Хуже того, в последнее время приходится видеть и открытую реинкарнацию сталинистской идеологической и политической парадигмы с неизбежно сопутствующими ей атрибутами насилия и жестокости. Насаждается реставрационная ностальгия по сталинским и вообще советским временам.

Мешает формированию чувства коллективной вины, да и вообще движению мысли в данном направлении, и насаждаемый консюмеризм массового сознания, что, надо признать, впервые стало практически возможным в России за последний век, благодаря все-таки произошедшим, хотя и далеко не в лучшей версии, рыночным реформам, которые привели к насыщению потребительского рынка товарами. В результате первые поколения россиян, получившие совершенно новую для себя возможность наслаждаться потребительскими благами магазинного товарного изобилия и т.п., оказались готовы пренебречь ради них либеральными и демократическими политическими ценностями, хотя в период перестройки и в первые постсоветские годы подобное представлялось весьма маловероятным. В головах этих поколений так и не сложилась связь между материальными благами, с одной стороны, и либеральными и демократическими идеями – с другой.

По-видимому, сработала инерционность процесса культурных изменений, как минимум, на поколение отстающих от изменения материальных условий жизни. Возникающий межпоколенческий лаг при переходе к так называемому постматериаль-

⁴ Это, в частности, непосредственно связано с проблемой люстрации (в нашем случае – с ее отсутствием) и является отдельной очень важной темой.

ному обществу подробно описан в одночасье ставшей классикой работе Р. Инглхарта “Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир” [Инглхарт 2018]. С концепцией Инглхарта в психологическом плане хорошо согласуется мнение участников IDI Ф. Очберга и Э. Шапиро о “трехпоколенном” цикле изживания травмы. На мой взгляд, оно отчасти объясняет и шокирующий феномен ностальгии по сталинизму в сознании части молодежи и лиц среднего возраста.

Одной из форм морально-политического возврата в логику времен сталинизма стал курс властей на криминализацию политических оппонентов, проявляющийся как на уровне законодательном (печально известные “антиэкстремистские” законы и законы об “иностранных агентах”), и на уровне правоприменительном – безнаказанном полицейском насилии по отношению к мирным гражданам, ставшим участниками мирных протестных акций, и даже случайных лиц, сопровождающимся квазигосударственной “легитимацией” очевидно правонарушающих действий “правоохранителей” через суды. События в Москве летом 2019 г. и последующие репрессии против протестовавших – яркий тому пример.

А на уровне межнациональном не преодоленная и, следовательно, не излеченная травма оказывается постоянным питательным раствором для чувств враждебности и нетерпимости по отношению к “другим”, к носителям иного группового этоса и культурных традиций. В предельном, но, к сожалению, весьма распространенном во время военных конфликтов варианте происходит *дегуманизация*, обезчеловечение *врагов*. Иными словами, создается образ врагов как носителей набора негативных черт, делающих их как бы не вполне людьми, что морально легитимирует по отношению к ним любые жестокости, создает морально-психологическую базу для политически ориентированных манипуляций и запугиваний “своих” угрозами для их привычной национальной идентичности, якобы исходящими от “других”.

Если же вражда имеет межэтническую “подкладку”, то жестокости и зверства по отношению к “другим” порой выходят за грань вообразимого и не укладываются в рамки любой рациональной парадигмы человеческого поведения. Страшные примеры массовой жестокости, вплоть до бесчеловечности, принесли конфликты, происходившие на руинах распавшейся Югославии, особенно в Боснии. За пределами же нашего региона наиболее страшные акты массовых зверств происходили в последние десятилетия в африканских странах. Вспомним хотя бы волны геноцида в Нигерии и тотальный геноцид по отношению к народности тутси в Руанде в 1990-е гг. Замечу, впрочем, что в последнем случае присутствовал и элемент дегуманизации уничтожаемых: в лексиконе уничтожавших их хуту убиваемые тутси получили прозвище “тараканов”.

Впрочем, “тараканизация” уничтожаемых врагов – лишь один из способов их дегуманизации. Есть и другие, внешне более безобидные. Например, этнические шутки и анекдоты. При этом формируемый образ “других” обычно имеет мало общего с реальностью. Как правило, он гипертрофирует одни черты, не замечает другие, придумывает третьи. Но психологически это не имеет особого значения. К тому же такие избранные “другие” превращаются в своего рода резервуар или мишень для проекции на них собственных недостатков и пороков, то есть негативных черт “своих”. А те, “другие”, состоящие из одних пороков и недостатков, монстры или недотепы, выглядят такими плохими, что избавляться от них не только не жалко, но даже полезно. Способы же “устранения” могут быть различными, варьируясь в зависимости от обстоятельств – например от всяческих процентных норм, запретов на профессии, создания территориальных гетто и до прямого физического уничтожения.

Правда, представляется, что концепт дегуманизации не вполне согласуется с тем известным обстоятельством, что особая, крайняя жестокость по отношению к “другим” проявляется в войнах не межгосударственных, а гражданских, когда непримиримыми врагами в одночасье становятся соседи и даже родственники, люди, десятилетиями жив-

шие бок о бок, имевшие общие интересы, нередко дружившие. При этом несогласия между сторонами совсем не обязательно должны носить политический характер. Американский политолог С. Калибас, анализируя масштабы, формы и, главное, мотивации насилия в гражданских войнах на примерах России, Греции, Боснии, Чечни, приходит к заключению, что этнические и идеологические различия в них – лишь камуфляж для своеобразных и(или) защитных мотивов [Калибас 2019]. В художественной литературе этот “оправдывающий” поворот сознания был описан еще в ранней советской литературе, например в шолоховском “Тихом Доне” или фадеевском “Разгроме”, а позднее был выражен в песнях В. Высоцкого.

А в более мягких формах, преимущественно на уровне не физического насилия, а негативных психологических установок и моральных конструктов, подобное происходит и в мирное время, в частности в связи с массовыми миграциями и даже временными перемещениями представителей иных национальностей в другие страны в поисках заработка. Это можно наблюдать в широко распространенном на быденном уровне негативном отношении к трудовым мигрантам, приезжающим из государств Средней Азии в центральную Россию. Оно, к сожалению, порой подогревается и действиями представителей власти. Сам же феномен возникает не только на уровне пусть и мифологизированного, нагруженного предрассудками, но все же сознания, но и на уровне подсознательном (подробнее см., например, [Covington 2017]).

Одно из проявлений состояния посттравматизма общества – *посттоталитарный синдром сознания*. Пораженность массового сознания россиян посттоталитарным вирусом оказалась куда серьезнее, чем представлялось многим еще недавно. Она проявилась в таких психологических феноменах, как “стокгольмский синдром”, “виктимизация”, демонстративный суперконформистский активизм, снижение или даже отключение чувства эмпатии по отношению к назначенным “врагам”, безнаказанная вседозволенность, в любых действиях по отношению к ним вплоть до массового физического уничтожения, для описания которой, думается, весьма подходит категория Х. Арендт “банальность зла”.

На разных уровнях посттоталитарный синдром проявляет себя в различных формах. Так, на уровне, политически (но отнюдь не морально) более продвинутом он выступает в формах политического цинизма, активистского суперконформизма, наглости как стиля политического поведения, агрессивного неприятия позиции назначенных “других” со стигматизацией их такими негативными клише, как “пятая колонна”, “национал-предатели” и пр. На уровне же массовом, обывательском ему больше присущи синдромы “*маленького человека*”, “*одинокого человека*”, представление о политике как о деле, якобы имманентно грязном и с моралью несовместимом (подробнее см. [Оболонский 2016, с. 76–77]).

Национальная вражда через призму психоанализа

Психоаналитики исходят из того взгляда, в целом разделяемого и многими представителями других областей науки, что этничность как знак личной и групповой идентификации имеет корни не в природе, а лишь в головах людей. Иной, “генетический” подход к определению наций преобладал вплоть до середины прошлого столетия. Но нацизм отрезвил людей. Для военного и последующих поколений европейцев слова “национальный дух”, “почва”, “национальная идея”, “расовая чистота” и т.п. стали ассоциироваться с лагерными вышками и газовыми камерами. К тому же серьезные этнографические и антропологические исследования показали, что такие считавшиеся незыблемыми индикаторы национальной общности, как язык, история, культура не очень-то работают, во всяком случае, не очень годятся для формулирования универсальных признаков определения национальности. Лишь один индикатор оказался универсальным – самоотнесение себя человеком с той или иной национальностью, самосознание принадлежности к той

или иной национальной общности. В здоровом обществе оно как бы приподнимает его, ставит на национальные кутурны, придавая тем самым дополнительные основания для самоуважения через чувство причастности к успехам и достижениям соотечественников.

Но при этом оно делает его и повышено уязвимым в случае каких-либо национальных неудач, кризисов. И здоровое патриотическое национальное чувство превращается в человеконенавистнический, враждебный к другим *национализм*. О злокачественной “лестнице национализма” писали в России многие, начиная от христианского философа конца XIX в. В. Соловьева. В рамках данной темы кажется важным обратить внимание на часто присущую подобной ситуации психологию поиска “козла отпущения”, когда причину собственных бед ищут не в себе самих, а в происках тех или иных чужеземцев, соседей, внутреннего “малого народа” и т.п. В этом психологически общем контексте стоят и взрыв агрессивного жестокого национализма в постсоциалистической Югославии, и, к счастью, не столь массовые, но тоже принесшие немало трагедий этнонациональные конфликты, сопровождавшие распад СССР, и даже коллизии того же времени в восточно-европейских и прибалтийских странах, которые хотя и не доходили до убийств, но имели, по моему мнению, в своей основе ту же этнофобную природу.

Крах советской многонациональной империи открыл ящик Пандоры, из которого вылетели многочисленные исторические обиды и националистические фобии – и давние, и новые, а порой и отчасти сконструированные в конъюнктурных политических целях. И эксплуатация их стала едва ли не главным инструментом в политиканских играх. Межнациональная общность, лепившаяся властями в течение семи десятилетий посредством широкого арсенала методов – от довольно гибкой культурной политики и целенаправленного формирования новых национальных элит до близких к геноциду репрессий против целых наций, их массовых депортаций и насильственной ассимиляции – эта общность по названию “советский человек” оказалась симулякром. И под влиянием политических перемен в одночасье она осела и рассыпалась.

Один из парадоксов национализма видится в том, что, при всем показном самомнении его выразителей, на деле он камуфлирует глубоко запрятанный **комплекс неполноценности**. А комплекс этот бывает как агрессивным, так и, напротив, защитным, боязливым. Последний вариант обычно присущ малым нациям, не чувствующим в себе духовных и материальных ресурсов для сопротивления культурной ассимиляции и политическому поглощению со стороны наций более сильных. Но порой он проявляется и у таких этнических и культурных гигантов, как русская нация. Это находит отражение и в идеологеме “особого пути” (см., например, [Травин 2018]), и в тенденциях изоляционизма, в “западобоязни” и враждебности к внешнему миру. Впрочем, непреходимой границы между агрессивным и защитным видами комплекса нет. Они ситуативны и легко переходят один в другой. И то и другое связано с посттравматическим состоянием.

Притом сама травма объективно может быть как вполне реальной, очень тяжелой по своим последствиям для страны и людей, с до сих пор не утихшей болью (в нашем случае это Великая Отечественная война), так и не слишком тяжелой, и даже мифологизаторски сконструированной из событий, давно покрытых патиной времени (так, в Сербии эту роль выполнило поражение их армии в битве с османами на Косовом поле, состоявшейся более шести (!) веков назад, о чем до обострения косовского конфликта рядовые граждане Югославии, подозреваю, немного знали и уж определенно мало думали). Но независимо от реальности, и свежие, и давние, и даже отчасти придуманные травмы в определенных обстоятельствах становятся важнейшим фактором, определяющим психологическое состояние больших национальных групп.

Поэтому весьма важным представляется предложенное Волканом обозначение данного феномена как **избранной общей травмы** (*chosen common trauma*). Согласно его концепции, избранное и признаваемое общей трагедией событие заставляет большую группу

людей (в нашем случае этническую) почувствовать себя униженной жертвой “других”. Психологизация и мифологизация “рокового” для членов группы события как бы встраивает его образ в самую основу самоидентификации. И с того момента, как реальная травма трансформировалась в “избранную травму”, подлинные исторические факты перестают играть какую-либо серьезную самостоятельную роль. Сохраняет важность лишь их психологическое преломление как порой центрального стержня чувства этнической общности. В качестве примера иногда указывают на лапидарное израильское “Never again”. Думаю, читатели журнала без труда найдут множество эмпирических подтверждений данного феномена в окружающей действительности.

С этим связана психологическая неспособность оплакать и тем самым в конечном счете как бы “похоронить” травму, каким-то образом примирившись с произошедшим. Подобная *неготовность к адаптации к новой ситуации*, по мнению Волкана, влечет за собой и практические негативные последствия. Будучи слишком униженной либо, напротив, слишком непримиримой к нанесенной травме врагу, группа оказывается неспособна к компромиссу. Например, в политике это проявляется в отказе от самой возможности какой-либо территориальной уступки бывшему врагу. Причем реальная ценность спорной территории не важна. Она приобретает символическое, едва ли не сакральное значение, причем для обеих сторон конфликта, переходя от поколения к поколению. Примером подобного тупика может быть, на мой взгляд, уже более чем полувекое политическое топтание вокруг вопроса о принадлежности четырех северных островков Курильской гряды, несущее обеим странам массу проблем, блокирующее решение гораздо более важных вещей. Но эта ситуация остается для политиков и с той и с другой стороны не подлежащей пересечению символической “красной линией”.

Вообще классический психоанализ довольно мрачно смотрел на человеческую природу. Он исходил из имманентности агрессивных инстинктов человека. Когда А. Эйнштейн спросил З. Фрейда, существует ли какой-либо способ уберечь человечество от угрозы войн, тот ответил, что бесполезно пытаться управлять агрессивными наклонностями людей и что конфликты между ними редко разрешаются без насилия, добавив, однако, что развитию цивилизации сопутствуют определенные модификации в человеческой психике, благодаря которым в перспективе возможны частичное замещение агрессивных инстинктов и даже некий контроль над деструктивными импульсами. Но в современном психоанализе, о котором в статье идет речь, исходная фрейдовская схема стала объектом критики, и в результате многих дискуссий она модернизируется. В целом взгляд на проблему становится более оптимистичным в оценках возможностей и перспектив излечения от негативных импульсов. Вытекающим из этого позитивным моментам посвящена следующая часть статьи.

Психологические аспекты лечения этнотравм

Перейдем теперь к возможностям хотя бы частичного психологического излечения от данного типа травм. Да, с точки зрения рассмотренной школы психоанализа существует базовая психологическая потребность во враге как стабилизаторе чувства собственной идентичности. Но есть и другая, противоположная, сторона концепции – равнозначная и тоже базовая: **потребность иметь союзников**. А еще лучше – друзей.

В философском плане об этом говорилось еще задолго до Фрейда. Так, П. Кропоткин развивал мысль, что, наряду с дарвиновским законом борьбы за существование (замечу, что сам Ч. Дарвин не касался аспектов, связанных с борьбой внутривидовой, это уже “заслуга” последующего социал-дарвинизма), в природе как бы в противовес ему действует и **закон кооперации, взаимопомощи**. Он даже написал книжку под названием “Взаимопомощь как фактор эволюции”, где обосновывал взгляд, согласно которому

не борьба, а именно взаимопомощь служили главным двигателем прогресса человечества, в том числе и морального, и что дальнейшая эволюция человека должна двигаться именно в таком направлении. Мне кажется, эта красивая и оптимистичная гипотеза в определенном смысле согласуется с психоаналитической теорией о потребности иметь как врагов, так и друзей. На ее основе авторы, о которых выше шла речь, и пытаются строить мосты между травмированными группами “мосты” в их коллективном сознании. Таким образом, деструктивное получает шанс превратиться в позитивное. Но для этого нужно изменить характер подхода к прошлому, его событиям, трагедиям и победам.

Поясню на примере одной выставки, посвященной Второй мировой войне. Она называлась **“Разные войны”** и экспонировалась в нескольких европейских странах и городах, в том числе в Москве. Ее основная концепция была – продемонстрировать на примерах России, Польши, Литвы, Германии, насколько различно освещаются там события Второй мировой войны. При этом речь шла не об искажении или замалчивании достоверных фактов (это другая тема), а о социально-психологических аспектах, о том, какие именно из событий того времени в наибольшей степени отразились и закрепились в национальном коллективном сознании. И каким образом, в том числе в школьных учебниках.

В связи с этим вспоминается книга французского историка М. Ферро “Как рассказывают историю детям в разных странах мира”. Описав целый ряд региональных, национальных, религиозных вариантов истории, он приходит к выводу: “Всемирной истории больше нет, потому, что она и была-то только миражом Европы, кроившей ее на свой лад... других народов она касалась лишь мельком, поскольку их пути пересекались с путями Европы”. Его общее заключение напрямую связано с нашей темой: «Каждое общество, сталкиваясь с попытками умаления его истории, испытывает потребность в создании собственной, пусть и скрытой от глаз победителей... В этих условиях вытягивать “всемирную историю” из одного очага или даже из одного института – признак либо лживости, либо тирании. А свободе свойственно предоставить разным историческим традициям сосуществовать и даже бороться друг с другом» [Ферро 1992, с. 305–308]. Разные версии истории, по Ферро, включая контр истории, живущие, например, в сознании побежденных, в произведениях искусства, особенно в кинофильмах, или параллельные, порой даже устные, истории от лица “малых” народов – такая же реальность, как верования или власть.

Упомянутая выше выставка акцентировала не политические, а человеческие стороны войны, не “большую”, а “малые” истории, делая упор на рассказы о судьбах конкретных людей. Каждая из историй была рассказом о человеческих травмах, в том числе – психологических. А это, по мнению психологов, **формирует отношение к войне как к общей травме, способствуя совместному ее переживанию и, в конечном счете, примирению**. По крайней мере, на межличностном уровне. В психоанализе это называется – **адаптивное оплакивание** (*adaptive mourning*). Тем самым происходит, как минимум, один, но существенный, шаг к излечению травмы [Ochberg 1988]. **“Малая история” способна лечить** от травм, нанесенных историей большой – историей наций, государств, политических лидеров и, конечно, историй войн с маршалами и генералами в ролях главных героев либо главных злодеев. Перевод проблемы на человеческий, в частности на межличностный, уровень, на уровень “простых” людей, способен изменить к ней отношение.

В данном контексте особый интерес представляет книга “Принудительный труд в Третьем рейхе” (2018), рассказывающая в форме иллюстраций и фотографий истории жизни трех женщин из Польши и Чехии, которые оказались “остарбайтерами” в нацистской Германии, но выжили в тяжелых и унижающих человеческое достоинство условиях принудительных работ. Показательно в этом плане и то, что ветераны, воевавшие в прошедших войнах по разные стороны фронта, при личных встречах обычно не испытывают друг к другу особой вражды и не выражают неприязни, а порой и ужасаются, обмениваясь словами типа: “А мы ведь могли убить друг друга!”.

Следующий вопрос – **проблема вины и ответственности** за содеянное. Тут тоже ситуация в постсоветских странах далека от позитивной психологической адаптации к новым реалиям и вызовам, к будущему. И Россия здесь не одинока. Поясню для начала на одном, но, наверное, самом страшном примере массовых преступлений против человечности времен войны – на ответственности за холокост. В массовом сознании жителей России, Украины, Литвы (в меньшей, но тоже значительной, степени), Польши **холокост – вина и преступление исключительно “других”** – врагов, тогда как мы сами-то были либо жертвами, либо героическими спасителями, либо индифферентными к происходившему, либо (на худой конец) даже неосведомленными о нем. Других модусов поведения граждан оккупированных стран как бы не существовало.

Но из множества самых разных источников известно, что реальность была, увы, несколько иной. Без содействия немалого числа “помощников” из числа местных коллаборантов нацисты просто практически не смогли бы осуществлять геноцид евреев на оккупированных территориях в тех масштабах, о которых мы знаем. Думается, это косвенно подтверждают и послевоенные антиеврейские акции вплоть до погромов и антисемитская политика в нескольких восточноевропейских странах, особенно в Польше, а также последующее многолетнее преуменьшение, а порой и замалчивание масштабов холокоста. (Не будем развивать здесь эту чрезвычайно болезненную тему. О ней много сказано и написано.) В данном случае важно обратить внимание на вопрос морального характера – **на отсутствие готовности принять и на свой счет какую-то долю вины и ответственности** за произошедшее. Пусть малую и даже символическую. Но это чрезвычайно существенно и с точки зрения психологических последствий.

Разумеется, новые поколения не могут и не должны отвечать за события, произошедшие задолго до их появления на свет. Однако **мы ответственные за нашу сегодняшнюю позицию по отношению к истории**. И холокост – лишь один из примеров. Есть и другие.

В макрополитическом плане здесь буквально напрашиваются две темы: известный мюнхенский сговор 1938 г. и пакт Молотова–Риббентропа. Первый давно получил четкую оценку как трагическая политическая ошибка, за которую Англия всеми возможными способами не перестает извиняться устами уже нескольких поколений политиков. Так, М. Тэтчер спустя полвека после “мюнхена” во время визита в Чехословакию, в речи в Праге, в Федеральном собрании страны очередной раз извинилась за действия своего далекого предшественника Н. Чемберлена: “Мы подвели вас в 1938 г., когда разрушительная политика умиротворения позволила Гитлеру покончить с вашей независимостью. Черчилль поспешил разорвать Мюнхенское соглашение, но мы до сих пор вспоминаем это со стыдом” (цит. по [Рикс 2019, с. 171]). У нас же отношение к пакту Молотова–Риббентропа менялось и продолжает меняться достаточно кардинально в зависимости от текущей политической конъюнктуры – в диапазоне от его полного одобрения в советские времена как якобы гениального политического маневра к полному его осуждению в перестроечный и постперестроечный период как аморального и ошибочного политического акта, а затем к его политической реабилитации в неосоветском духе во времена нынешние. Это, на мой взгляд, напрямую связано с вопросом о нашей **ответственности перед историей и за ее толкование**. Полагаю, наше сегодняшнее отношение к прошлым ошибкам и преступлениям и осознанию коллективной вины тесно связано с концепцией “разных войн” и, соответственно, с их существенно различным восприятием и интерпретацией в массовом сознании жителей разных стран.

Правда, следует признать, что модные одно время формальные извинения политиков за действия их предшественников, хотя и несут важный символический месседж на уровне “большой политики”, но на уровне психологическом особого эффекта не дают. Мы неоднократно убеждались в этом в первой половине 1990-х гг., когда проводили многонациональные “круглые столы” в возрожденных странах Балтии. Там, хотя участники с российской

стороны не раз, в разных контекстах и формах произносили извинения за советскую оккупацию и другие государственные преступления сталинского времени, это не встречало у прибалтийских коллег ни их принятия, ни, тем более, готовности к прощению. Возможно, в те годы для подобных шагов еще не пришло время, травмы были слишком свежи. И вновь вспомним об идее Очберга о трехпоколенном цикле оплакивания травм.

Возвращаясь к идее адаптивного оплакивания, думаю, что оно может быть действенным лекарством при замене образа “козла отпущения”, “назначаемого” ответственным за наши беды и несчастья. У нас до сих пор для разных групп в этой роли обычно выступал и выступает либо один из соседних этносов, либо русский народ как системообразующая имперская нация, либо советский режим. Иногда сразу используются все три мишени или, по крайней мере, две из них. Надо признать, что образ врага в ряде случаев отнюдь не вымыслен. Основанные на исторических травмах и обидах резоны есть у каждой из позиций. Однако, как представляется, достигнуть адаптивного оплакивания, то есть принятия травмы как тяжелого, но уже закончившегося события, возможно лишь в последнем варианте, где “козлом отпущения” выступает господствовавший в те времена в нашей стране режим. Главным мотивом его могла бы стать тема: “Все мы – общие жертвы одного Молоха; но теперь его больше нет, и мы, обогащенные тяжело доставшемся нам пониманием кошмара тоталитаризма и освободившиеся от него, создаем новое общество, основанное на иных принципах”.

Разумеется, объективно в такой позиции есть элемент идеализации, упрощения реальности. Да и сама реальность была сложнее (см., например, [Юрчак 2019]). И призраки прошлого по-прежнему витают над нами, а то и возвращаются в, увы, весьма конкретных формах и проявлениях. Но для надежды на выздоровление от посттоталитарного синдрома подобная психологическая установка представляется оптимальной, и то лишь она позволяет обрести чувство разделяемой общей травмы, которое бы объединяло разные по другим параметрам группы. “Тризна” по СССР и подобным ему режимам в восточно-европейских странах могла бы стать для всех интегрирующим фактором. К сожалению, этого не произошло.

Мне кажется, что, наряду с тризной, с траурным переживанием прошедших национальных трагедий, в каких-то случаях для лечения можно применить и, казалось бы, противоположное лекарство – **смех, издевательскую насмешку** над былыми политическими лидерами и “властителями дум”. Скажем, над Гитлером, Сталиным, авторитарными диктаторами того времени в странах Восточной Европы и (или) их соратниками, окружением, ироническая демонстрация их интеллектуального и морального ничтожества. Насколько мне известно, о гитлеризме и самом Гитлере есть немало книг и фильмов подобного жанра. Мы же с преодолением сталинизма и в этом отношении продвинулись значительно меньше. Более того, на насмешки подобного рода даже наложено цензурное табу: вспомним хотя бы прямой и немотивированный запрет на выпуск на российский экран сардонической английской комедии “Смерть Сталина”.

Еще один способ лечения – переход от **“избранной травмы” к “избранной славе”**. Ведь у каждой нации есть не только, над чем скорбеть, но и чем гордиться, основания не только для национальной скорби, но и для чувства гордости за те или иные успехи, победы, достижения. Это могут быть и военные победы, и успехи на пути демократического развития, спортивные победы, достижения ученых, деятелей искусства и т.д. А когда такие успехи достигаются в процессе сотрудничества двух или нескольких союзных стран или их гражданами, объединившимися для достижения общей цели, это может стать мощным интегрирующим фактором, способствующим взаимопониманию, уважению и, в конечном счете, преодолению вражды. Классика подобной ситуации – сотрудничество и совместная победа в войне, особенно над таким общепризнанным злом, как фашизм. К сожалению, после окончания Второй мировой войны альянс союзников распался,

уступив место почти полувековому противостоянию, а память о нем лишь эпизодически возрождалась в ограниченном виде, например в духе встреч ветеранов эскадрильи “Нормандия-Неман”. Да и сейчас предпочитают вспоминать не о союзничестве, а возвеличивать свою страну как главного, если не единственного, победителя, принижая вклад других союзников, в частности используя в качестве весьма странного аргумента число потерь своих граждан по сравнению с другими, словно это – главный критерий для оценки вклада в общую победу.

И все же такой подход не утопичен. Об этом, в частности, напоминает, советско-американский космический проект “Аполлон-Союз”, успешно работавший в, казалось бы, мало-подходящий период, в годы очередного обострения “холодной войны”. Можно найти немало других примеров в самых разных областях: в научном, культурном, экономическом, экологическом сотрудничестве и т.д. И в каждой из названных сфер важны не только общие соглашения, но и межличностные контакты между непосредственными участниками. Ведь в процессе серьезного сотрудничества возникает особая психологическая атмосфера, и по-настоящему погрузившиеся в нее люди вряд ли станут потом “стрелять” друг в друга, даже в метафорическом смысле. Думается, позитивную роль в этом плане может сыграть проводимое в день Победы шествие “Бессмертный полк” и другие, связанные с этим мероприятия, причем не только у нас, но, хотя и в несравнимо меньшем масштабе, в Израиле, а также в странах антифашистской коалиции. По своей изначальной идее это шествие обладает значительным, но лишь частично используемым позитивным объединяющим психологическим потенциалом. Хотя на практике и здесь, к сожалению, есть ряд издержек и даже профанаций.

Разумеется, всегда возможны и манипуляции, и спекуляции, и провокации. Но они подчинены иной логике, нежели та, о которой идет речь. В рамках концептов социал-дарвинизма и геополитики неизбежность вражды и борьбы как якобы имманентных свойств человеческой природы муссируется даже не без некоего удовлетворения. Но, на мой взгляд, **социал-дарвинистский, присущий геополитике взгляд на человечество, – крайне опасный вид ложного сознания.** Геополитический фантом, представление о мире лишь как об арене “внутривидовой” борьбы государств и идеологий, в которой хотя и меняются задачи, промежуточные цели, методы, но не сама суть (народы – враги, мир – ринг, государства – бойцы на нем и т.д.), стоил человечеству двух мировых и множества “малых” войн, а также неизбежно сопутствовавших им войн с “внутренними врагами”. Он принес миллионам людей в большинстве стран мира неисчислимые беды и страдания.

Мне представляется неизмеримо более конструктивным и обнадеживающим взгляд П. Кропоткина на человеческое взаимодействие не как на борьбу, а как на сферу сотрудничества и взаимопомощи. Не случайно выше была упомянута его книга, посвященная данным сюжетам. А аргументам от имени торжествующей силы и жестокости, о банальности зла противостоят, по меньшей мере, в моральном и психологическом плане, представления как о двойственной природе человека, о его способности к творческому добру и даже о “банальности героизма” [Зимбардо 2013], лежащие в основе всех мировых религий, так и о главных философских и политических доктринах, говорящих о готовности осознанно принимать на себя риски, а порой и неизбежные неприятности и потери ради сохранения чувства собственного достоинства и (или) единства со своей референтной группой. Нисколько не претендуя здесь на дальнейшее погружение в эту фундаментальную мировоззренческую тему, напомним лишь диссидентский лозунг В. Гавела о “силе бессильных” (*power of powerless*), а также мысль о *прагматике политического идеализма*, ставшую заголовком и содержанием одной важной книги девяностых годов [Ковалев 1990].

Обозначенная проблематика отнюдь не исчерпывается обсужденными аспектами. Есть и ряд других, имеющих важное значение в практике международных и межнациональных переговоров. Например, это так называемый “**нарциссизм малых различий**”, при котором

представители наций, близких культурно, этнически, исторически склонны подчеркивать и даже выпячивать свои объективно небольшие отличия из боязни потерять собственную идентичность, опасаясь быть ассимилированными какой-либо другой, представляющей-ся более сильной и, как правило, географически соседней, нацией.

Психологически интересен и столь часто возникающий на переговорах “эффект аккордеона”, когда их стороны периодически то сближаются, выводя на первый план общность интересов, близость происхождения, симпатии и т.п., то, напротив, максимально дистанцируются друг от друга, подчеркивая свою разность во всем, конфликтность интересов и иные якобы непримиримые различия. Порой, например, это символически подчеркивается нежеланием даже сидеть за одним столом переговоров или пожимать друг другу руки. Есть и многие иные аспекты символической политики.

И, конечно, никуда не уйти от проблемы исторической вины и ответственности за преступления прошлого. Возможно, эта тема – одна из ключевых и в психологическом плане. Но уже не для этой статьи. Да одними статьями ее и не решить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баум Г. (2015) Спасти права граждан. М.: Фонд Фридриха Наумана.
Зимбардо Ф. (2013). Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М.: АНФ.
Инглхарт Р. (2018) Культурная эволюция. М.: Мысль.
Калибас С. (2019) Логика насилия в гражданской войне. М.: Пятый Рим.
Ковалев С. (1999) Прагматика политического идеализма. М.: Институт прав человека.
Оболонский А.В. (2018) Либеральная и бюрократическая ментальность и российская трансформация конца XX – начала XXI века // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 47–57.
Оболонский А.В. (2016) Политический цинизм: концепт, практика, альтернатива // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 73–81.
Паин Э.А. (2009) Распутица: полемические размышления о предопределенности пути России. М.: РОССПЭН.
Паин Э.А., Федюнин С.Ю. (2017) Нация и демократия: перспективы управления культурным разнообразием. М.: Мысль.
Принудительный труд в Третьем рейхе (2018) М.: Post Bellum и Международный Мемориал.
Рикс Т. (2019) Черчилль и Оруэлл. Битва за свободу. М.: АИФ.
Травин Д.Я. (2018) “Особый путь” России: от Достоевского до Кончаловского. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге.
Ферро М. (1992) Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа.
Фукуяма Ф. (2019) Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альбина Паблишер.
Эткинд А. (2016) Кривое горе. Память о непогребенных. М.: НЛО.
Юрчак А. (2019) Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: НЛО.
Covington C. (2017) *Everyday Evils. A Psychoanalytic View of Evil and Morality*. London: Routledge.
Ochberg F. (1988) *Post-traumatic Therapy and Victims of Violence*. New York: Brunner /Mozel.
Volcan V. (2013) *Enemies on the Coach: a plyshopolitical journey through war and peace*. Pinestore Press. North Carolina: Durham.
Volcan V. (1988) *The Need to Have Enemies and Allies. From Clinical Practice to Inernational Relations*. New Jersey; London: Jaron Aronson Inc.

REFERENCES

- Baum G. (2015) *Spasti prava grazddan*. [Save civil rights]. Moscow: Fond Fridrikha Naumana
Covington C. (2017) *Everyday Evils. A Psychoanalytic View of Evil and Morality*. London: Routledge.
Etkind A. (2016) *Krivoe gore. Pamyt' o nepogrebennykh*. [Warped Mourning. Stories of the Undead in the Land of Unburied]. Moscow: NLO.

- Ferro M. (1992) *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranakh mira* [How history telling children in different countries]. Moscow: Vyshaya shkola.
- Fucuyama F. (2019) *Identichnost'. Stremlenie k priznaniu i politika nepriyatiya* [Identity. The demand for dignity and the politic of resentment]. Moscow: Albina Publisher.
- Inglehart R. (2018) *Kul'turnaya evolyutsiya* [Cultural Evolution] Moscow: Mysl'.
- Kalibas S. (2019) *Logika nasiliya v grazhdanskoj voyne* [Logics of violence in civil war]. Moscow: Pyatyy Rim.
- Kovalev S. (1999) *Pragmatika politicheskogo idealizma* [Pragmatics of political idealism]. Moscow: Institute of Human Rights.
- Obolonsky A. (2018) Liberal'naya i byurikraticeskaya mental'nost' i rossiyskaya transformatsiya kontsa XX – nachala XXI veka [Liberal vs. bureaucratic mentalities and the Russian transformation in the end of the late 20th and in the early 21st century]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 47–57.
- Obolonsky A. (2016) Politicheskij tsynizm: kontsept, praktika, al'ternativa [Political cynicism: concept, practice, alternative] *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 73–81.
- Ochberg F. (1988) *Post-traumatic Therapy and Victims of Violence*. New York: Brunner/ Mozell.
- Pain E.A. (2009) *Rasputitsa: politicheskie razmyshleniya o predopredelennosti puti Rossii* [Rasputitsa: politic reflections on the predetermined path of Russia]. Moscow: ROSSPEN.
- Pain E.A., Fedyunin S.Yu. (2017) *Natsiya i demokratiya: perspektivy upravleniya kul'turnym raznoobraziem* [Nation and democracy: perspectives for managing cultural diversity]. Moscow: Mysl'.
- Prinuditel'ny trud v Tret'em reykh* (2018) [Compulsive Labour in the 3rd Raikh]. Moscow: Post Bellum. International Memorial.
- Ricks T. (2019) *Churchill and Orwell. The Fight for Freedom*. Moscow: AIF.
- Travin D. (2018) *“Osoby put’” Rossii: ot Dostoevskogo do Konchalovskogo* [“Special path of Russia: from Dostoevsky till Konchalovsky]. St.-Petersburg: European University in SPb.
- Volcan V. (2013) *Enemies on the Coach: a plyshopolitical journey through war and peace*. Pincstore Press. North Carolina: Durham.
- Volcan V. (1988) *The Need to Have Enemies and Allies. From Clinical Practice to Inernational Relations*. New Jersey: Jaron Aronson Inc.
- Yurchak A. (2019) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos': poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever Until It Was No More: the Last Soviet Generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Zimbardo Ph. (2013) *Effekt Liutcifera. Pochemu horoshie liudi prevrashchajutsia v zlodeev* [The Lucifer Effect. Understanding How Good People Turn to Evil]. Moscow: ATF.